

В октябре деревню Шуифу накрыл бесконечный, тягучий дождь. Он лил днями, не переставая, но в отличие от летних ливней, что несут спасительную прохладу, осенний дождь был пронизывающе холодным. С каждым днём температура неумолимо падала, и Лу Цинцзю кутался всё в новые слои одежды. Сырая, серая погода навевала на всех лень. Любимое кресло-качалку Бай Юэху перекочевало в дом; больше он не мог, как прежде, сидеть во дворе, мерно покачиваясь и глядя на небо, и от этого было немного обидно.

Поскольку Инь Сюнь возжелал колбасок, Лу Цинцзю отправился в город и купил свиные кишки и свежее мясо. Он тщательно взбил мясо в однородный фарш, щедро приправил его пряностями и ловко начинил им оболочки. В изготовлении колбас таилось множество тонкостей. К примеру, нужно было непременно проткнуть оболочку булавкой, выпуская лишний воздух, чтобы влага могла свободно испариться, а колбаса – как следует просушиться. Начинённые колбаски должны были несколько дней висеть на сквозняке, а затем коптиться с использованием фруктовой древесины.

Всего за месяц кухня Лу Цинцзю превратилась в настоящую кладовую: под потолком, на стенах – повсюду висели вяленое мясо, мясо в соевом соусе и связки колбас. Их скопилось так много, что места уже не оставалось, и Цинцзю пришлось освободить ещё одну комнату, застелив пол толстым слоем газет, чтобы капающий соус и жир не испортили доски.

Как раз когда Лу Цинцзю задумался, чего же ещё не хватает для зимних запасов, к его старому дому пожаловали двое гостей.

Услышав стук в дверь, Лу Цинцзю решил, что это Ли Сяоюй из соседнего дома. Благодаря стараниям Сяо Хэй и Сяо Хуа, мальчик в последнее время делал большие успехи в учёбе, и теперь навещался к ним чуть ли не каждый день после школы. Но, открыв дверь, Цинцзю не увидел знакомого мальчика. На пороге стоял Пан Цзыци – тот самый полицейский, что едва не погиб от рук Наложницы Повелителя Дождя. В руке он держал зонт, а за его спиной возвышался ещё один человек. Он был облачён во всё чёрное, и лицо его казалось высеченным из камня, лишённым всякого выражения. Этот мужчина был на голову выше Пан Цзыци, который и сам-то был под метр восемьдесят ростом. Черты его были красивы, но от всей его фигуры веяло таким ледяным, почти могильным холодом, что любой невольно отступал на шаг.

«Лу Цинцзю, — произнёс Пан Цзыци. — Чем занимаетесь?»

«Готовлю припасы... Вам уже лучше?» — спросил Лу Цинцзю.

«Да, — ответил Пан Цзыци, однако его глаза беспокойно бегали по сторонам. — Так вы не пригласите меня войти?»

Лу Цинцзю небрежно махнул рукой, мол, как хотите. Бай Юэху как раз ушёл в поля, а Инь Сюнь после обеда ещё дремал и не вернулся. В доме остался только Цинцзю.

Пан Цзыци и его молчаливый спутник вошли внутрь. Они изучали Лу Цинцзю, а он в свою очередь – их. Судя по всему, незнакомец был коллегой Пан Цзыци, ещё одним полицейским.

Вот только молодой человек понятия не имел, зачем они пришли.

«Садитесь, я заварю чай», — предложил Лу Цинцзю.

«Не стоит, — остановил его Пан Цзыци. — На этот раз я пришёл поблагодарить вас».

«Поблагодарить?» — удивился Лу Цинцзю.

«Помните то существо, что привязалось ко мне? — сказал Пан Цзыци. — Ведь это вы помогли мне от него избавиться, верно?»

«Я не понимаю, о чём вы», — ровно ответил Лу Цинцзю.

Пан Цзыци усмехнулся: «Не стоит лгать. Вы способны видеть духов, и у вас наверняка есть свои методы. Я не собираюсь докладывать начальству, я просто хочу знать».

Лу Цинцзю промолчал, присаживаясь напротив Пан Цзыци. Тот указал на своего безмолвного спутника: «Это мой коллега, Мэн Шуйи».

Мэн Шуйи слегка кивнул Лу Цинцзю в знак приветствия.

«Вы пришли сегодня только ради этого?» — спросил Лу Цинцзю.

Пан Цзыци покачал головой: «Нет. Если честно, я за вас немного волнуюсь. Раз вы видите этих существ, то должны были заметить, что от вас разит свирепым зверем. Для обычного человека в этом нет ничего хорошего».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Вы пришли из беспокойства обо мне?»

Пан Цзыци смущённо улыбнулся: «Это одна из причин. Но есть и другая - начальство велело спросить... Куда делся труп Наложницы Повелителя Дождя?»

«Почему вы решили, что это я заставил его исчезнуть?» — с любопытством спросил Лу Цинцзю.

«Не знаю. Я затем и пришёл, чтобы спросить вас», — пожал плечами Пан Цзыци.

«А если я скажу, что не знаю, вы поверите?»

Пан Цзыци вздохнул: «Разумеется, нет».

«Тогда зачем же вы спрашиваете?» — усмехнулся Цинцзю.

«Это просто формальность, — сказал Пан Цзыци. — Если вы не хотите говорить, я не стану вас принуждать».

Его отношение и впрямь было достойным уважения. Лу Цинцзю чувствовал, что в обычной жизни этот полицейский был вспыльчив, но сейчас, перед спасителем, он сдерживал свой нрав. К тому же, если бы Цинцзю не справился с Наложницей Повелителя Дождя так быстро, учитывая эффективность работы отдела Пан Цзыци, его собственный групп давно бы уже кремировали.

Поняв причину визита, Лу Цинцзю понял, что ему почти нечего добавить. Он ни за что не рассказал бы Пан Цзыци о Бай Юэху. Поэтому он чётко дал понять: «Извините, без комментариев».

Пан Цзыци вздохнул. Его пристальный взгляд скользнул по комнате и остановился на курах, что дремали в загоне. Похоже, он заметил что-то странное, потому что в его глазах мелькнуло удивление: «Вы... Вы знаете, кто это существо, что рядом с вами?»

«Конечно, знаю», — спокойно ответил Лу Цинцзю.

Лицо Пан Цзыци стало сложным: «И вы не боитесь?»

«Чего бояться?»

«Того, что он вас съест», — сказал Пан Цзыци.

«Если бы он хотел меня съесть, давно бы это сделал. Зачем ему ждать до сих пор? И потом, если бы он решил меня сожрать, вы бы смогли меня спасти?»

В этих словах была железная логика. В глазах Пан Цзыци зажглась улыбка: «Не знаю, смогу ли я вас спасти, но попытаться я обязан». Он был офицером полиции, и долг обязывал его к действию. Он считал, что если Лу Цинцзю обманом заставили жить со зверем, воспользовавшись его неведением, то он должен был его предупредить. Но, судя по всему, Цинцзю прекрасно понимал, что делает, и полностью доверял этому чудовищу.

«Спасибо, но не стоит за меня беспокоиться, — сказал Лу Цинцзю. — Мы прекрасно ладим».

Пан Цзыци кивнул.

В этот миг в комнату вошёл Бай Юэху - в плаще и бамбуковой шляпе, мокрой от дождя. Лу Цинцзю заметил, как в тот же миг Мэн Шуйи, до этого сидевший расслабленно, резко

выпрямил спину, словно его пронзило током.

Лу Цинцзю отвёл взгляд от гостей и мягко улыбнулся Бай Юэху: «Юэху, ты вернулся».

Бай Юэху промолчал. Он небрежно бросил мокрую шляпу на стол, скользнул взглядом по Пан Цзыци и Мэн Шуйи и едва заметно кивнул.

«В кастрюле ещё тёплые кукурузные лепёшки, я боялся, что они остынут, и оставил огонь, — сказал Лу Цинцзю. — Поешь немного».

Бай Юэху хмыкнул, повернулся и направился к кухне. Но прежде чем уйти, он бросил на Мэн Шуйи короткий, ледяной взгляд. Тот вздрогнул и напрягся ещё сильнее.

Из всех присутствующих Пан Цзыци был наименее чутким. Он не замечал подводных течений, что бурлили в комнате, и всё ещё с любопытством разглядывал красивого мужчину.

Лишь когда Бай Юэху скрылся на кухне, Мэн Шуйи выдохнул - тихо, почти неслышно. Он повернулся к Пан Цзыци и бросил: «Пошли».

Пан Цзыци опешил: «А? С чего вдруг?»

«Мне теперь почти всё ясно», — отрезал Мэн Шуйи.

«Ясно? Что ясно? Я до сих пор ничего не понял...» — забормотал Пан Цзыци.

Но Мэн Шуйи уже поднялся и кивком указал на дверь.

Пан Цзыци хотел было возразить, но, увидев суровое выражение лица коллеги, понял, что тот не шутит. Пришлось попрощаться с Лу Цинцзю, и двое полицейских, раскрыв зонты, вышли под дождь.

Едва они оказались за порогом, Пан Цзыци принялся недоумённо допрашивать Мэн Шуйи: «Шуйи, почему ты так спешил? Мы же ничего толком не спросили!» Впервые он видел, чтобы невозмутимый Мэн Шуйи был хоть немного взволнован.

«Если бы ты продолжал задавать вопросы, мог бы оказаться у этого человека в животе, — холодно бросил Мэн Шуйи. — В будущем сюда не приходи. Этот Лу Цинцзю - не тот, кого мы можем задеть».

«Хм? Что ты имеешь в виду? — Пан Цзыци всё ещё ничего не понимал. — Разве Лу Цинцзю - не

человек?»

«Человек, — подтвердил Мэн Шуйи. — Но ты когда-нибудь видел человека, который держит дома свирепого зверя?»

До Пан Цзыци наконец дошло: «Ты хочешь сказать... что Бай Юэху - это... зверь? Но разве бывают такие красивые звери?»

«А как, по-твоему, выглядят все свирепые звери?» — усмехнулся Мэн Шуйи.

«Ну... хотя бы немного как ты, — ляпнул Пан Цзыци. — Такие твёрдые, что не раскусишь».

Мэн Шуйи: «...»

Пан Цзыци поспешно добавил: «Ха-ха, это шутка».

Проводив Пан Цзыци и Мэн Шуйи, Лу Цинцзю уже собирался заняться делами, как вдруг заметил на уголке своей рубашки алое пятно. Сначала он решил, что случайно зацепился за краску, но, приняв себя, с удивлением понял: это кровь.

Откуда она могла взяться? Лу Цинцзю оцепенел. Он осмотрел себя и стол - нигде больше не было ни следа.

«Странно... — он потянул за край одежды, хмуря брови. — Откуда это?»

«Не ищи, — закончив с кукурузной лепёшкой, Бай Юэху неспешно вышел из кухни. В руке он всё ещё держал одну, лениво пережёвывая. — Этот Мэн Шуйи - не человек».

«Не человек? — переспросил Лу Цинцзю. — А кто же?»

«Из племени Мэнту».

Лу Цинцзю знал «Книгу гор и морей» и мгновенно понял всё, услышав это имя. Мэнту - существа из древних преданий: когда люди в старину подавали жалобу, они шли к ним. Если кто-то лгал, на одежде выступала кровь - так вершилось правосудие, и невинных не обижали.

Значит, кровь на рубашке Лу Цинцзю - доказательство его лжи. Вспомнив недавний разговор с Пан Цзыци, он усмехнулся, осознав, что его обман раскрыт.

«Её можно смыть?» — спросил он.

Бай Юэху взглянул на пятно: «Нет, не отстирывается».

«Вот как?» — Лу Цинцзю слегка удивился. Рубашка была любимой. Жаль, что теперь её нельзя носить.

«Это пустяк», — коротко бросил Бай Юэху и замолчал.

Лу Цинцзю решил, что тот его утешает, и больше не думал об этом. Сняв рубашку, он попробовал отстирать пятно — тщетно. Хоть и жаль, он не стал долго горевать: из ткани выйдет отличная одежда для лисёнка — скоро зима, лишний наряд не помешает.

Лу Цинцзю никогда не заикливался на прошлом, и вскоре забыл об этом. Но через несколько дней на пороге снова появились гости: Мэн Шуйи и пожилой старик. Едва войдя, они выказали невероятное почтение. Старик несколько раз подряд назвал Бай Юэху «господин Бай».

Бай Юэху мельком взглянул на него и снова уткнулся в свои каштаны, не проронив ни слова.

«Господин Бай, простите великодушно, — почтительно начал старик. — Мальчик молод и неосмотрителен. Сегодня я специально привёл его извиниться».

Мэн Шуйи, сидя рядом, тоже склонил голову: «Господин Бай, простите меня. — Затем он повернулся к Лу Цинцзю: — Господин Лу, та история — моя вина. Я принёс вам новую одежду, надеюсь, вы примете. — С этими словами он вытащил из рюкзака несколько рубашек — точь-в-точь таких же, как испачканная, явно купленных специально».

Лу Цинцзю опешил. Он уже хотел отказаться, но заметил умоляющий взгляд старика... Тот безмолвно просил принять дар.

Лу Цинцзю покосился на Бай Юэху, смутно догадываясь о чём-то, и сказал: «Что ж... спасибо». — Едва эти слова сорвались с губ, лица гостей заметно расслабились.

«Шуйи, выйди на минутку, — велел старик. — Мне нужно поговорить с господином Баем наедине».

Мэн Шуйи кивнул и вышел. Лу Цинцзю, сославшись на кормёжку кур, последовал за ним, оставив дом для двоих.

Мэн Шуйи стоял во дворе, глядя, как Лу Цинцзю сыплет курам рис и кукурузу.

«Не возражаете, если я закурю?» — спросил он.

«Пожалуйста».

Мэн Шуйи затаился и глубоко выдохнул: «Господин Лу, я перед вами сильно виноват».

Когда Пан Цзыци говорил с ним, он решил, что Лу Цинцзю — обычный человек, попавший в переплёт с диким зверем, и не придавал значения. Но едва он вошёл в дом и увидел Бай Юэху, как понял, насколько ошибался.

Лу Цинцзю и правда был обычным человеком, но тот, с кем он столкнулся, был не зверем — тем, кого сам Мэн Шуйи, да и весь род Мэнту, не смел задеть.

И правда: через несколько дней дед позвонил ему, отчитал и спросил, как он умудрился рассердить Бай Юэху. Только тогда Мэн Шуйи осознал, что, кажется, обидел Лу Цинцзю.

И вот дедушка привёл его сюда с опаской, чтобы извиниться, боясь, что он действительно разозлит Бай Юэху.

Мэн Шуйи смотрел на Лу Цинцзю, а тот — на своих кур. Тишина тянулась, становясь всё тяжелее.

В этот момент во двор, зевая, вошёл Инь Сюнь — заглянул перекусить. Увидев Мэн Шуйи, он замер на миг.

«Цзю-эр, а это кто?»

«Мэн Шуйи, — ответил Лу Цинцзю. — Коллега Пан Цзыци, тоже полицейский».

«А, — без интереса протянул Инь Сюнь. — Есть что поесть? Я жутко голоден».

«Не заходи, Бай Юэху разговаривает с гостем. Потерпи немного. Чжу Мяомяо прислала крабов, я напару их для тебя», — сказал Лу Цинцзю.

В сентябре — самки, в октябре — самцы; всё зависит от сезона. Промедлишь — и икра уже не та.

«Ладно», — Инь Сюнь потёр нос и уселся на первое попавшееся место.

Мэн Шуйи не был разговорчив. Он молча курил в стороне, слушая их беседу. Лу Цинцзю покосился на него, но, не заметив желаний говорить, принялся болтать с Инь Сюнем.

«Ты любишь крабов?» — спросил Лу Цинцзю.

Инь Сюнь улыбнулся: «Да. Они очень вкусные. До твоего приезда я их никогда не пробовал».

«А до моего возвращения как ты жил один в деревне Шуйфу?»

«Как жил? Да отлично, — Инь Сюнь говорил просто и светло. — Ай, не переживай за меня. Я взрослый, ясно? У тех, кто живёт один, есть свои способы. Когда тебя не было, я всегда находил, чем заняться, и был по-настоящему счастлив».

Лу Цинцзю молча смотрел на друга. Он заметил: стоило Инь Сюню произнести это, как на уголке его одежды расцвело кровавое пятно. Но тот не замечал, всё так же радостно улыбаясь.

«А если я однажды вернусь в город?» — тихо спросил Лу Цинцзю.

Инь Сюнь почесал затылок: «Если тебе от этого хорошо, иди куда хочешь».

«А ты?»

«Я? Останусь в Шуйфу. Мне здесь нравится».

Кровавое пятно на его одежде ширилось. В сочетании с улыбкой это выглядело особенно горько.

Лу Цинцзю вздохнул, глядя на друга: «Я никуда не уеду. Дома нужно кормить два рта. К тому же... я правда считаю тебя своим сыном». — Его одежда оставалась чистой, ни единой капли.

«Ты опять издеваешься надо мной!!» — взорвался Инь Сюнь.

Он не понял, что произошло, но Мэн Шуйи всё осознал. Он взглянул на Лу Цинцзю и понял: этот человек вовсе не так прост, как кажется. Гораздо интереснее, чем он думал.

Они ещё немного говорили, а в доме старик Мэн и Бай Юэху уже закончили. Вскоре старик вышел, поклонился Лу Цинцзю и ушёл, уводя Мэн Шуйи.

«Простите, — окликнул Лу Цинцзю. — Не могли бы вы оставить мне свои контакты?»

Мэн Шуйи удивился, но кивнул и продиктовал номер. Он не знал, зачем это Лу Цинцзю, но поддерживать с ним добрые отношения явно не помешает.

Когда они ушли, Лу Цинцзю зашёл в дом, взял рубашку и протянул Инь Сюню: «Переоденься».

«Зачем?» — удивился тот.

«Я сказал - переоденься, значит, переоденься. Меньше вопросов».

Инь Сюнь мог лишь молча снять рубашку. Лу Цинцзю небрежно скомкал ткань, надёжно скрыв пятна крови. Заметив этот жест, уголки губ Бай Юэху едва заметно дрогнули в полуулыбке. На мгновение их взгляды встретились, и в этой короткой безмолвной сцене все было сказано без лишних слов.

Фигура Инь Сюня была почти точь-в-точь как у Лу Цинцзю, поэтому рубашка сидела на нем безупречно. Покрутившись перед зеркалом, юноша удивленно спросил: «Зачем ты накупил столько одинаковых вещей?»

Лу Цинцзю парировал: «Что ты понимаешь? Это же наборы „родитель-ребенок“».

Инь Сюнь лишь выдохнул: «...Черт».

Лу Цинцзю расхохотался. Ему не хотелось носить эту одежду, и он с легкой душой передал весь комплект Инь Сюню, заставив того постирать обновки перед использованием. Несмотря на видимое смущение, под настойчивым присмотром Лу Цинцзю Инь Сюнь все же принял подарок, забрав с собой всю одежду, которую ранее прислал Мэн Шуйи.

«Эту я отдам маленькому лису», — добавил Лу Цинцзю, забирая рубашку, которую Инь Сюнь только что сменил на новую. Тот не стал возражать, лишь снова озадачился странной страстью Лу Цинцзю к покупке парных вещей.

Бай Юэху все это время безмолвно наблюдал за их перепалкой. Он молчал до самого вечера, и лишь когда Инь Сюнь после ужина покинул дом, он наконец произнес: «Не хочешь оставить себе хотя бы одну?»

«Нет, — отрезал Лу Цинцзю, — мне не особо приглянулась эта модель».

«И в чем же была его ложь?» — Бай Юэху заметил, что настроение Лу Цинцзю испортилось, и мгновенно связал это с недавними словами Инь Сюня.

«Он сказал, что раньше, живя в деревне Шуйфу, был очень счастлив», — тихо ответил Лу Цинцзю.

Бай Юэху промолчал.

«А ты? Ты счастлив здесь?» — Лу Цинцзю в упор посмотрел на своего прекрасного, но до крайности загадочного жильца. После долгого общения он отчетливо понимал: статус Бай Юэху в сверхъестественном мире был исключительным. Тот мог бы позволить себе любую роскошь и свободу, так почему же решил осесть в этой крошечной, затерянной в горах деревушке?

«Мэн Шуйи здесь нет», — равнодушно бросил Бай Юэху. Смысл его фразы был прозрачен: даже если бы он прямо сейчас решил солгать, Лу Цинцзю все равно бы не распознал обмана.

Лу Цинцзю невольно рассмеялся: «Неужели тебе нужно лгать?»

Бай Юэху приподнял бровь: «А почему бы и нет?»

Лу Цинцзю покачал головой: «Я-то думал, ты считаешь ложь чем-то ниже своего достоинства».

«Я прожил слишком много лет и видел немало людей, которые не лгали, — ответил Бай Юэху. — Однако их жизнь была далеко не так прекрасна, как ты себе воображаешь».

Лу Цинцзю вздохнул, решив не продолжать спор. Такова реальность: порой «белая ложь» оказывается милосерднее самой жестокой правды.

«Так тебе на самом деле не нравится это место?»

В ответ на вопрос Бай Юэху лишь улыбнулся, и эта улыбка легла на его губы соблазнительным, почти опасным изгибом. «Нет, мне здесь нравится».

Лу Цинцзю нахмурился, вглядываясь в его лицо.

«Видишь, я говорю чистую правду, но ты мне не веришь, — произнес Бай Юэху. — Однако я серьезен. По крайней мере, сейчас мне здесь действительно хорошо».

Лу Цинцзю прекратил дискуссию. Пожав плечами, он сказал: «Ладно, похоже, этот вопрос ни к чему не ведет. Давай сменим тему на что-то более приземленное».

Бай Юэху вопросительно приподнял бровь.

Лу Цинцзю продолжил: «Например, что приготовить завтра на обед. Холодает, я хотел запастись бараниной, но в холодильнике совсем не осталось места... Наверное, завтра все же придется купить новый».

В его словах сквозило простое, уютное тепло человеческой жизни.

Бай Юэху безразлично ответил: «Не стоит закупать баранину. Сейчас как раз тот сезон, когда цунлуны особенно упитанны. Я могу просто поймать пару штук и принести домой».

Лу Цинцзю замер: «...Значит, то, что мы ели раньше, тоже был цунлун?»

Цунлун, существо из «Книги гор и морей», внешне походил на козла, но с огненно-красной шерстью. По легендам, его мясо могло исцелить даже глухоту. Лу Цинцзю вздохнул. После знакомства с Книгой он уже привык не удивляться рациону Бай Юэху и перестал пытаться навязать ему хоть какое-то подобие современных норм.

Бай Юэху моргнул: «Было вкусно?»

Лу Цинцзю безжалостно отбросил совесть в сторону: «Очень».

Лицо Бай Юэху озарилось широкой, довольной улыбкой.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Это животное действительно драгоценно, не слишком ли мы жестоки, делая это?»

Бай Юэху: «Тогда что же нам делать, чтобы это не было жестоко?»

Лу Цинцзю: «Положить больше звездчатого аниса для уменьшения вкуса дичи».

Бай Юэху: «...»

Переводчику есть что сказать:

Юэху так крут! Наш король! Юху... Юэхуу!

Цунлун появлялся в 28 главе, когда они ели целого ягненка.

<http://bllate.org/book/15722/1611730>